

СЧРГ
И 20

Сергей Иванов

Среди огромной тайги

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МАЛЫШ», МОСКВА • 1978

И 20

Сергей Иванов

Среди огромной тайги

Рисунки Евгения Шукеева

Ч 8 Н 2

Издательство „Малыш“
Москва • 1978

Областная детская
библиотека
г. Свердловск

319058

ДЕВОЧКА НА ВЕРТОЛЁТЕ

Над тайгою громко летел вертолёт. В нём сидела девочка шести лет. И звали её Аня Попова.

Это не сказка. Всё так и было. Аня сидела рядом с лётчиком в кожаном кресле с высокой прямой спинкой. А перед нею было огромное выпуклое окно. Посмотришь вверх — окно, посмотришь вперёд — окно. Посмотришь вниз — опять окно! Страшно — пропасть под ногами. Как люди на коврах-самолётах летать не боялись!

Но страшно только сначала, а потом — интересно. С вертолёта много всего можно увидеть. Вертолёты ведь высоко летают: где облака, там и вертолёты могут пролететь.

И вот глядит Аня: внизу под нею тайга. Деревья, деревья, деревья без конца и краю. И налево посмотришь, и направо сколько хватает глаз, и вперёд, и назад — всё тайга да тайга.

У них в Иркутске тоже есть тайга. Туда можно за грибами ходить и за ягодами. Не одной, конечно, — с папой (а когда мама бывает дома, то и с мамой). Но, оказывается, только когда летишь по небу, тебе тайга видна по-настоящему.

Бывает лес. Бывает лес дремучий. А бывает лес такой дремучий, такой огромный, что в нём и сам медведь может заблудиться. Вот что такое тайга!

ПОЧЕМУ ОНИ ЛЕТАТ!

Потому что папу послали снимать кино про то, как строят Байкало-Амурскую магистраль. Такая у него работа—снимать документальные фильмы.

Папе его начальник сказал:

— Надо лететь, Женья. Дело очень важное. БАМ!

— Дочку не на кого оставить, Иван Иванович!

— А жена?

— Геолог она у меня, в экспедиции сейчас.

— А бабушки-дедушки?

— Да мы сибиряки-то недавние. Все бабушки-дедушки в Саратове остались.

— Н-да... Надо, однако, лететь, Евгений!

— Ну что же мне её в камеру хранения сдать, что ли? — пожал плечами папа.

— А ты её с собой!

— В тайгу? Да вы что?

— Нормально. Там детишек будь здоров! Не соскучится дочка.

Потом папа разговаривал с Аней. Он сказал:

— Ну смотри. Бояться и реветь разрешается только в крайнем случае. Поняла? — Аня кивнула. — Хочешь лететь?... — и, взглянув на Аню, улыбнулся: — Ладно, беру тебя с собой.

Аня, конечно, и знать не знала, что у папы другого выхода просто не было...

ПРИЛЕТЕЛИ

Они пролетели, наверное, уже полнеба, а внизу всё тайга да тайга — лохматая, как шкура медведя. И нигде-нигде Аня не увидела ни домика, ни машины. А на реках, что извивались внизу, — ни парохода, ни даже единой лодочки.

Вертолёт стало заметно покачивать — это сбоку поддувал ветер. Сперва Ане нравилось качаться. Сидишь, как в люльке, прицепленной к небу, и качаешься: вперёд-назад, вправо-влево... Потом она заскучала, к горлу подполз неприятный комок...

Она сердито обернулась к папе, который устроился сзади: сидит и ничего не замечает! Неожиданно папа подмигнул ей, кивнул в окно... Аня увидела среди тайги квадратики крыш, дорогу, ползущие трактора. Вертолёт начал опускаться — аккуратно, словно кабинка лифта. Аэродром, на который они опустились с неба, был просто отмелью таёжной речки. Сперва Аня и папа

шагали по траве. Потом под ногами начало хлюпать, и они ступили на такую особую дорогу, которая называется лежнёвка. Таких, наверное, нигде не бывает, кроме Сибири. Её делают так: молодые берёзы, осины, ёлки — рубят и кладут одно к одному, закрывают топкое место. Получается похоже на упавший забор.

«МОСКВА НЕ СРАЗУ СТРОИЛАСЬ»

Аня шла, держась за папину руку, и слушала, как у неё под ногами поют деревянными голосами брёвнышки. То берёзовая, то осиновая, то еловая нота... Вдруг она подумала: где же тут железная дорога? Папа сказал, они едут снимать про то, как строят железную дорогу, БАМ. Но кругом не было ни паровозов, ни рельсов, ни семафоров. Сердитые бульдозеры утюжили землю, сталкивая в сторону камни, кочки, чахлые деревца... Чуть дальше бетонщики укладывали бетон для фундамента. Бетон привозили машины и вываливали его большими кисельными кучами. А там, где фундамент был уже готов, стучали топорами плотники — росли стены домов. Но где же всё-таки железная дорога?.. Правда, папу и Аню поселили жить в вагончик. Но совсем не такой, какие бывают на железной дороге. Это был вагон на резиновых колёсах (вроде как у машины) и с крылечком, словно настоящий дом. Внутри оказались две маленькие комнаты.

Папа, насвистывая, распаковывал киноаппаратуру, Аня смотрела в окно на некрасивую, разорённую бульдозерами землю.

— А говорил, дорогу! — произнесла она чуть обиженно.

— Что ж, Ань, поделаешь. Москва не сразу строилась!

— Какая Москва?

— Ну это просто так говорится. Что, мол, всё делается постепенно, и не так быстро.

Папа продолжал разбирать аппаратуру, а сам объяснял Ане про железную дорогу в тайге. Рассказал он примерно вот что...

Хорошо в городе или в деревне работать: днём поработал, к вечеру вернулся домой. Иное дело в тайге, на диком необжитом месте. Домов нету, кино нету. Вообще ничего нету! Только болота под ногами, да медведи из-за деревьев на тебя поглядывают. Значит, всё строительство нужно начинать с посёлка, чтоб магазин был у рабочих, баня, столовая, почта. Ну и хорошие дома!

— А как же они сейчас? — удивилась Аня. — Что ли они в шалашах живут?

— Зачем в шалашах... Кое-кто, как мы с тобой, в вагончиках. А другие в палатках...

«ВОТ МЫ И ДОМА!»

По широкой нахоженной тропинке Аня и папа прошли мимо стройки. Перевалили невысокий бугор, поросший красивыми, прямыми, как лучи, соснами... И вот оказались в посёлке, где пока жили строители.

Весь шум остался за бугром, за соснами. А здесь были только тишина, деревья и облака на небе. Вдоль широкой травяной улицы стояли палатки. Были они, конечно, не такие, как у туристов, а большие, похожие на дома, с высоким крыльцом и настоящей деревянной дверью... На палаточной улице было пустынно — все ушли работать. Папа и Аня шагали совсем одни...

— Эй! Смотри-ка! — вдруг шепнул папа.

Поленница, рядом куча коры и щепок... И тут Аня тоже увидела: зверюшка! Глядит на них любопытным глазом. А сама в Анином кармане могла бы очень свободно уместиться.

— Сибирский тигр! — улыбнулся папа.

— Тигр?!

— Да это в шутку. В Сибири ведь тигров нету. А у него, видишь, на спине полоски... Это бурундук.

Зверёк понюхал белую сосновую щепку, которая могла бы служить для него целым кораблём, поводил длинными пушистыми усами. Ещё раз глянул на Аню — мелькнули огоньки глаз. А потом юрк — и нету!.. Сибирский тигр...

Полотняные стены палаток все были исписаны, изрисованы смешными рисунками и рожицами. Аня в свои шесть лет не так уж хорошо умела читать. Но папа подвёл её к одной надписи:

— Эту прочитай обязательно. И запомни!

«Вот мы и дома!» — прочитала Аня по складам...

Кругом на сопках молчаливо и строго стояла тайга.

КОГДА ВСЕ СПАЛИ

Тихо на строительной площадке. Вечер. Отдыхают неподвижные трактора, спит лопата, впившись в горку песка. Спит топор и спит молоток...

Вечер. Солнце спряталось за высокую лесистую сопку. Загорелся закат и погас. Стало синеть и темнеть. На огромном таёжном небе проклюнулись первые звёзды.

Прошло сколько-то времени, и звёзд стало больше, много. Уже всё небо в густых и крупных сибирских звёздах... Спят строители, спит Аня, уткнувшись в родную папину руку.

Ах, как тихо сейчас кругом! Так тихо, что за много сотен шагов слышна река, говорящая сама с собой.

И кажется даже, слышны звёзды, что перемигиваются, горят высоко над головой.

Обо всём этом думает молодой бульдозерист, сидящий на берегу таёжной речки. Ему вспоминается совсем другая река — большая, спокойная, вспоминается широкая степь, белые домики, с высокого берега глядящие в воду... Его родная станица.

Он думает о своей маме, отце и сестрёнке. И плотнее запахивает телогрейку — июньские ночи в Сибири холодны... На минуту он решает было разжечь костерок. Но слишком всё спокойно и тихо кругом. Ничего не хочется менять.

Бульдозерист поднимается, идёт мимо вагончика, где остановился приезжий кинооператор с дочкой, мимо других вагончиков и палаток.

Он поднимается на крыльцо той самой палатки, где его собственная рука вывела крупные буквы: «Вот мы и дома!»

ДОМ — ТАНК

Утром они позавтракали, попили чаю, поели колбасы и хлеба. А что осталось, забрали с собой.

— Имей в виду, Анна! Идём надолго. Так что про хныканье...

— А я даже и не собираюсь!

— Ладно. Добро! — у папы на одном плече была кинокамера, на другом кожаная сумка с разными принадлежностями. Да ещё в руке полиэтиленовый пакет с колбасой и хлебом. Аня потянула у папы из рук пакет.

— Да куда уж тебе, — сказал папа.

— Не беспокойся, донесу!

Тогда папа засмеялся, вдруг поднял Аню вместе с её пакетом.

Пронёс шагов двадцать, поставил на землю:

— Ну, потопали!

Тропинка, по которой они шли, вилась-бежала берегом, аккуратно повторяя все речкины повороты и изгибы. Она бы, может, и рада скакнуть куда-нибудь в сторону, да не получается! Справа вода, слева берег высокий — выше папиного роста.

Но едва только обрыв кончился, тропинка сейчас же убежала от реки. Теперь Аня и папа шли среди широкого пёстро-зелёного луга. Трава по бокам прямо стеной стояла, а ростом она была Ане по грудь и даже по шейку. Ветер бежал по траве, распуская неровные колосистые волны.

— А мы куда идём, пап? — тихо спросила Аня.

— Туда идём, Анька, где скоро поезда будут ездить. Где трасса пройдёт.

— А как же ты знаешь, где трасса пройдёт, если её нету?

— Есть уже немного... Прорубают!

— Прорубают? — переспросила Аня.

— Ну да. Тайга ведь кругом.

Тропинка опять вильнула вправо, к реке... Недалеко от воды стоял... Как это назвать? Дом?.. Но был он какой-то слишком низкий. Брёвна всех четырёх его стен были толстые, громадные и какие-то чёрные. А крыша земляная! На крыше шуршал и колосился настоящий кусочек луга: цвели дикие ирисы, кровяные и ярко-жёлтые жаркí. Аня даже черемшу там разглядела — сибирский чеснок. Его легко узнать — у него листья широкие такие, а на конце острые, похожие на листья ландыша.

В стене у самой земли прорублено было окно... Да странное какое-то!

— Зачем же так окно низко? — удивилась Аня.

— Это не окно, дочка. Это вход! Это, Аня, зимовье. Здесь

охотники зимовали... а дверка такая, чтоб тепло зря не выпускать... Морозы-то здесь...

Аня кивнула. За две зимы, прожитых в Сибири, она прекрасно узнала, какие здесь бывают морозы.

Вошли внутрь. Ане и то было низковато, а папа — высокий и широкоплечий — вообще согнулся в три погибели!

Во как люди-то, оказывается, жили!.. Лавка, прибитая к стене. Врытый в землю стол. Печка, сложенная из диких округлых камней, щедро обмазанных глиной... Оконце. Такое крохотное, что хорошей птице сюда и не пролететь. Не дом, а танк. Танк, чтоб воевать с сибирскими холодами...

— Это, Анька, было единственное жильё на всю здешнюю тайгу. Страшненько так зиму-то зимовать, а?

Чёрные стены. Над головой висит чёрный потолок. Окошечко... И представилась Ане зима: всё воет здесь, воет. Кружит по сопкам метель. Мороз трещит, ломает деревьям руки... Зачем же тут дорогу делать — в такой глухоте? Будто нет других мест, где поезду мчаться ровно и весело, где на каждом шагу люди, станции, где даже и зимой не так холодно.

Но спросить об этом папу было сейчас некогда: они вылезли из дома-танка и пошли по тропинке прямо в тайгу.

ПРОСЕКА

Но нет. Это оказалась не настоящая тайга. Очень скоро деревья расступились, и открылась большая поляна... Вернее сказать, не поляна, а как бы коридор в лесу. Он тянулся далеко-далеко направо и далеко-далеко налево.

— Просека! — сказал папа.

На просеке лежали поваленные деревья. Папа стрекотал своим аппаратом и приговаривал:

— Вот это работа! Загляденье!

Аня не видела здесь особого загляденья. Ей было жаль срубленные деревья. А папа продолжал веселым голосом:

— Видишь, как деревья аккуратно кладут! Теперь их растаскивать одно удовольствие.

— Кому растаскивать?

— Трелёвщику... Сейчас всё сама увидишь, пошли!

Они обогнули небольшую сопочку, и здесь Аня увидела трелёвщика. По правде говоря, она думала, это такой человек — трелёвщик. Но это оказался... трактор! Он полз не спеша, а за ним длинным хвостом тянулось целое дерево!

Трелёвщик остановился у высокой горы брёвен. Рабочие в касках с длинными козырьками отцепили его «хвост». Тут они

заметили Аню и папу с кинокамерой, заулыбались. Даже работать перестали...

Папин начальник, между прочим, зря говорил, что здесь много детей. В необжитом этом месте детей, конечно, пока не было. И рабочие глядели на Аню даже с ещё большим интересом, чем на кинооператора-папу: они соскучились по маленьким девочкам!

А папе и Ане тоже было интересно смотреть на бамовцев — строителей самой длинной в мире таёжной магистрали.

— Вы откуда будете, товарищ? — спросил молодой рабочий. Он снял свою каску, вытер потный лоб.

— Из Иркутска, — ответил папа.

— А это кто же с вами, режиссёр?

Аня покраснела и улыбнулась. И папа улыбнулся, легонько обнял Аню за плечи. Потом сказал рабочим:

— Можно вас сниму, ребята?

— Что ж... — те переглянулись, — пожалуйста.

— Нет, постойте чуток, сейчас опять работать возьмёмся. А то кино выйдет: вот, скажут, приехали на Всесоюзную ударную стройку, а сидят без дела.

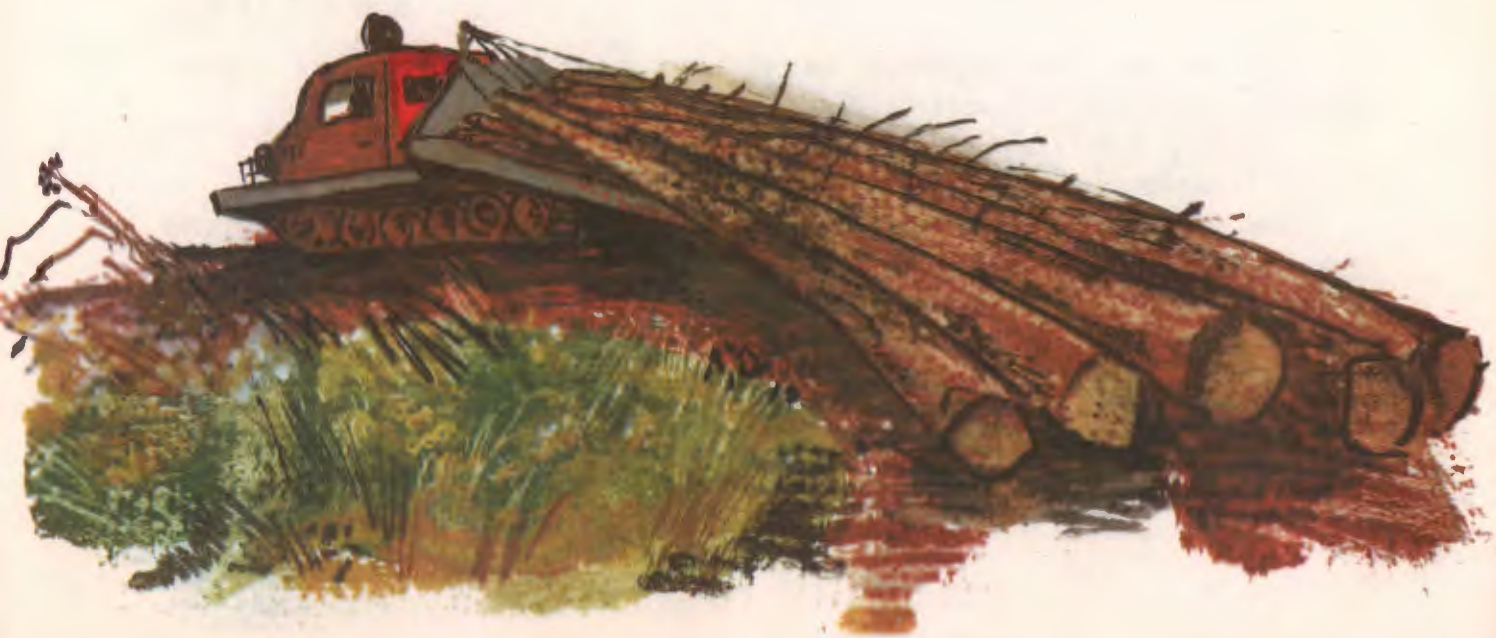
Папа, улыбаясь, что-то быстро писал в блокноте:

— А вы что же приезжие или местные?

— Всякие... А большинство, конечно, приезжие. Тут у нас, можно сказать, со всего Союза народ... Кто комсомольскую путёвку сумел получить, тот и приехал.

Они снова начали работать — дружно, умело: пилили деревья на три части, закатывали брёвна на самый верх бревенчатой горы. Солнце сверкало и жгло, и пот с них лил градом. Но они всё работали и работали, больше не отдыхая ни секунды.

А трелёвщик всё таскал деревья, крутился, сердито урча, разрывая землю. Хрупкие, огненные жарки один за другим гасли под его лапами.

Они шли по тайге, самым краем просеки.

— Сейчас, Ань, увидим, как лес валят!

— Валят? Как же его валят?

Сквозь редкие деревья хорошо видна была просека. Из конца в конец её пронёсся ветер — длинный, словно невидимый состав; пахло смолой, цветами... Стволы деревьев с обрубленными сучьями лежали поперёк просеки, как шпалы...

Впереди слышался сердитый треск, словно кто-то ехал в горку на мопеде, но всё никак не мог въехать!

— Смотри, смотри! — крикнул папа.

С пригорка хорошо было видно, как, разрывая на части воздух, круша сучья с других деревьев, тяжело поплыла, повалилась набок громадная лиственница. А потом как ухнетя оземь, словно из пушки ударило! У Ани сердце вздрогнуло — то ли от страха, то ли от жалости. Папа прицелился своим аппаратом и строчил без перерыва. Потом нетерпеливо сказал:

— Ну пойдём, пойдём, Анька! Чего ты стоишь!

Как будто это не Аня стояла и ждала, пока он всё снимет... Затрещало, охнуло, полетело наземь подрубленное дерево.

— Э! Осторожней! — крикнули им. — Не подходите близко!

— Не могу, ребята. Профессия такая, что должен близко...

Тарахтение смолкло. Папа и Аня обошли раскидистый смирный куст и увидели: вот где просека кончается. Здесь просторный коридор её упирался в плотный строй деревьев. Навстречу им шагнули двое рабочих. Они были в касках, в тёмных робах, в сапогах. Оба потные, усталые. На траве, пригнув своей тяжестью к самой земле тоненькое деревце, лежала такая штука, похожая на велосипедную цепь: она тоже была натянута между двумя колёсиками. Но Аня поняла: это не цепь! Потому что вся она была утыкана острыми зубьями!

Рабочий увидел, что Ане интересно, поднял с земли свою зубастую цепь, дёрнул рычаг. Сейчас же цепь затарахтела по мопедному и завертелась на своих колёсиках. Папа захлопнул блокнот, взялся за камеру. Рабочий подвёл цепь к стволу — брызнули опилки. Его помощник упёрся в дерево длинным шестом с железной рогаткой на конце. Лица обоих покраснели, покрылись крупными каплями пота. Вот значит, как лес валят!.. Наконец дерево пошатнулось, стало крениться и всею кроной полетело на землю. Треск и грохот пронесли по тайге...

— Ну как? — рабочий подмигнул Ане. — Видишь, какая у нас помощница мировая. Пила «дружба»!

Пила лежала в траве, сверкая стальными зубьями... Аня подошла к спиленному дереву, папа в это время разговаривал с рабочими. Дерево лежало длинное, неподвижное. Рядом так же неподвижно стояли ещё живые деревья—ждали своей очереди. У низенького пенька Аня увидела горку опилок. Опилки у «дружбы» получались белые, смолистые. Крупные, словно муравьи.

— Ты чего загрустила?—спросил папа на обратном пути.

Аня не ответила. Ей как-то неловко было. Потому что все кругом радовались: вон какую просеку прорубили, вон сколько сделали! А ей было очень деревья жалко! То росли-росли, а то вдруг раз—и лежат. Уже не деревья, а брёвна.

— Зачем тут дорогу делать?—сказала Аня.—В такой тайге. Всё равно же здесь никого нету... Да ещё деревья рубить!—она шла насупленная, усталая. Ноги то и дело спотыкались...

БУРОВАЯ

Они прожили в этом посёлке ещё три дня. Аня уже сама ходила в столовую — большой дом с новенькими бревенчатыми стенами. Но когда-нибудь, а уезжать надо!

— Мы теперь домой, пап?

— Нет, Ань. В другой посёлок.

— В какой другой?

— Ну понимаешь, дорога же будет длинная, станций много. Вот строители и разъехались по этим будущим станциям — строят дома, пробивают навстречу друг другу просеки...

И опять Аня подумала: зачем в такой глухомани дорогу делать, если тут никто не живёт? Зачем деревья рубить, если они такие красивые и высокие? И опять спросила об этом папу.

— Ладно, — кивнул он, — расскажу. Сейчас прилетим в одно интересное место, и всё расскажу.

Снова полз по небу вертолёт. Снова внизу тёмной лохматой шкурой лежала тайга. Ане во второй раз лететь было не так интересно. И она читала по складам книжку, которую папа ей купил в магазине-вагончике. Это был рассказ про мальчика Филиппа, который тоже умел читать только по складам...

Но вот они прилетели... Большая тихая поляна. Несколько низких деревянных домиков. А посередине чёрная вышка прицелилась в небо, будто космическая ракета. Стальные тросы тянутся к ней от земли, словно боятся, что она улетит!.. А земля кругом какая-то красная, твёрдая, почти как асфальт.

— Это буровая, — сказал папа. — Здесь, Ань, геологи скважину бурили...

— Геологи? Как наша мама?!

— Ну, — улыбнулся папа, — вроде того. Только мама наша по горам ходит, камни полезные ищет. А эти бурят в земле скважину... Ну такой очень узкий колодец. И узнают, есть там в глубине нефть или нету.

— А почему земля такая красная?

— Это, Аня, глина из самой-самой глубины! Скважину бурят, а ненужную породу наружу вытаскивают.

— А нефть — нашли здесь?

— Ищут. Вот мы сейчас, может быть, стоим на целом океане нефти!.. Сибирь, знаешь какая богатая!

— Какая богатая?

— Ну, здесь, в земле, лежит много железа, меди, угля, золота. И вот когда построят дорогу, а вдоль дороги построят станции, города... Приедут люди, начнут ставить заводы, шахты.

Такая здесь жизнь начнётся — ого-го!.. Как раз и ты у нас к тому времени подрастёшь...

Папа стрекотал своей камерой... А внизу, глубоко-глубоко у них под ногами... Неужели, правда, там лежит океан нефти? Аня даже топнула посильнее — очень ей хотелось услышать, как он там булькнет, в своей глубине... Но океан не отозвался.

ПАЛАТОЧНЫЙ ПОСЁЛОК

Посёлок, в который они теперь прилетели, весь состоял из палаток. Не как тот, первый: наполовину из палаток, наполовину из вагончиков, наполовину уже из настоящих домов. У этого даже магазин был в палатке, даже столовая, даже кино!

Они шагали вдоль палаток. Под ногами звенели, переговаривались дощатые тротуары — чистенькие и сухие. Но стоило только ступить на простую землю, сейчас же раздавалось: «хлюп-чвак» — весь посёлок стоял на болоте!

Папа открыл дверь одной из палаток:

— Здесь шестнадцатая?.. Ну тогда устраивайте, ребята, — он вынул из кармана письмо и протянул его человеку, вставшему им навстречу из-за стола. — Кто тут будет Егоров?

— Я буду, — сказал этот человек. Он быстро прочитал письмо. — Вон две раскладушки свободны, в углу...

Аня села на раскладушку, та скрипнула. Папа в это время тихо разговаривал с Егоровым, потому что в палатке был ещё один человек. Он спал, укрывшись с головой.

— Вы чего на болоте-то затеялись строиться?

— Это временно, — легко ответил Егоров. — Мы поближе к берегу старались, к реке. Баржи подходят, а мы их разгружаем. До будущего года запасаемся. — Егоров вздохнул. — А времени у нас всего пятнадцать дней!

— А что так мало?

— Да понимаете, сейчас июнь — как раз снег на сопках тает, ну и в реке большая вода. А снег сойдёт — сразу конец половодью. Тогда уж сюда ни одному судну не пробиться.

Аня огляделась кругом. Два ряда раскладушек, в узком проходе стол, две лавки... Вот и вся мебель...

— Мы этот посёлок за неделю оборудовали! — сказал Егоров. — Тротуары настелили, палатки поставили... Там знаете что? — он стукнул ногой в дощатый пол. — Ручей протекает... Первые дни приходишь — вода по колено, честно! Сапоги снял, лёг на койку, а сапоги так до утра в воде и стоят. Благо, что резиновые.

Тут человек, что спал, укрывшись с головой, выглянул из-под одеяла:

— Слышь, Егоров! Здоров ты про нашу героическую жизнь толковать! Сводил бы лучше людей к Лосиной горке...

УДИВЛЁННЫЙ ЛОСЬ

По тайге шагал лось. Медленно шагал, осторожно. Сухими тонкими ногами переступал подозрительные валежины...

Кругом была тишина. Лишь, когда лось останавливался, чтобы сорвать губами несколько листьев с низких молодых веток, испуганно вспархивал тихий шелест. Но сейчас же терялся в бесконечной тайге.

Вдруг лося остановил незнакомый звук. Словно невидимая пика, он упёрся в грудь рогатому зверю. Лось долго слушал: что там впереди?

Он знал, скоро тайга поредет. Откроется зелёный, припорошенный туманом луг. Солнце, опустившись к земле, медленно ударится о дальний край луга, чуть сплющится, словно оно совсем мягкое. И потом будет тонуть...

Лось напьётся из неширокой быстрой реки. И долго неподвижно будет стоять. Здесь хорошо. Свежий ветер с лугов отгоняет комарьё и мошку...

Так он бы стоял и стоял, а с бородатой морды его падали в ручей длинные огнистые капли...

Но теперь там что-то шумело!..

Ливень шумит не так. Лесной пожар сопит и воет не так. Снежные шапки, что рушатся с таёжных великанов, тоже бухают не так.

Лось ушёл в чащу. И там жил. А незнакомый шум всё продолжался. И постепенно стал привычным, уже не пугал. Лось как бы о нём забыл, перестал его слышать.

...Однажды он вышел на давно знакомое место... Может, ноги обманули его и привели не туда?! Луг у реки порос странными холмами (лось, конечно, не мог знать, что это палатки), по чёрной дороге бегали рыча и фырча машины — зелёные, красные, чёрные звери. Они были почти как живые. И всё же, чудилось лосю, не были живыми. И ещё он увидел людей. Он и раньше иногда встречал их. Но здесь их было много. Много!

Лось постоял, не в силах шелохнуться. И ушёл. Он не знал, что с другого берега его видели две девушки. И родилась легенда о могучем хозяине здешних мест. Даже поставили посреди посёлка высокий шест с фигуркой лося наверху и с флагом... Потом лося видели здесь ещё несколько раз. Он приходил и в тот день, когда его поджидали папа, Аня и Егоров. Но вот же невезение! Когда лось собирался выйти из-за деревьев, на Егорова чих напал! И лось остановился, долго стоял, глядя на двух мужчин и девочку, которые сами пришли сюда, чтобы увидеть его...

— Ну пойдёмте,—сказал наконец Егоров.—Сегодня, наверное, уж не появится.

Они пошли: сперва по мокрому берегу, потом по звонким тротуарам... И тогда лось вышел к реке и напился. С бороды его падали длинные огнистые капли...

П О Р Т

На следующее утро они отправились в порт. Шлёпали сапогами по жидкой грязи. Но сапоги глубоко не проваливались, дорога была сделана твёрдо и прочно. Снизу у неё были настелены деревья, сверху насыпан битый камень. Получалось очень даже крепко! По этой слоёной дороге то и дело пробегали машины: в порт пустые, из порта гружёные. А слева и справа лежала топь. Дорога была как бы мостом через неё. Машины, бежавшие по дороге, сердито библикали друг на друга: «Не мешайся! Скорей проезжай!»

— Пап, они зачем спешат? Чтобы план выполнить?

— Ишь ты, учёная,—засмеялся папа.—Ну, конечно, они спешат из-за плана. А главное, чтобы реку перехитрить.

— Что это ещё за сказки,—удивилась Аня.

— Река больно ненадёжна! Видишь, что ребята говорят: уйдёт большая вода и сиди кукуй—ни одному пароходу не пройти.

— А что же, на вертолётёте нельзя возить?

— Можно вообще-то. Но только это будет в час по чайной ложке. Стройка огромная, а вертолётик—что в него нагрузишь!

— А на машинах?

— Уж очень, дочка, дорога далека—по сопкам да по болотам. Вообще едва ли проедешь! А река—шоссе гладкое...

Портом был простой зелёный берег, весь уставленный ящиками, бочками, заваленный грудami мешков, кусками разборных стен, рядами новеньких машин, тракторов... Автопогрузчики стальными лапами хватали что-нибудь потяжелее и укладывали в кузова подъезжавших автомобилей... Аня и папа бродили среди лежащих на берегу грузов, как в запутанном городе со многими улицами и переулками. Аня то и дело останавливалась, читала большие печатные буквы: Киев, Москва, Ленинград, Свердловск, Челябинск, Уфа, Оренбург, Рига...

— Пап, что это такое?

— Как что? Названия городов.

— Я знаю! А почему их столько здесь написано?

— А потому, Анька, что стройке помогает вся страна. Все хотят, чтобы здесь скорее появилась дорога. Помнишь, я говорил тебе про железо, нефть, про золото?.. Ну вот. Если их достанут из-под земли, всем нам будет знаешь как хорошо!

— Кому нам?

— Тебе, мне, сибирякам, киевлянам... всей стране!

— Стране?... —Аня стояла удивлённая: —Разве я тоже страна?

— А как же,—улыбнулся папа,—а как же иначе!

По реке, обгоняя плывущий пароход, пролетел густой гудок, ударился о скалу, что одиноко стояла над рекою, и улетел куда-то. А пароход стал медленно подходить к берегу.

ВЕЧЕР В ПАЛАТКЕ

Хоть и лето сейчас, но едва солнышко спать нырнёт, выбирается неведомо откуда холод. Ане дали настоящую взрослую телогрейку. Она в ней, как ночная сторожиха,—неповоротливая, толстая, рукава чуть не до земли... а зато тепло!

Папа за столом листает блокнот, что-то подчёркивает, ставит галки. Когда он работает, мешать ни-ни!.. Опять книжку читать про Филипка?.. Но даже это не удаётся Ане. Пальцы потонули в длинных рукавах, страничку не перевернуть!

Наконец папа откладывает блокнот, смотрит на часы:

— Ань! Надо печку затапливать, сейчас ребята придут.

Они отправляются за палатку, к поленице. Аня подставляет чуть согнутые руки, папа кладёт ей два полена. А сам набирает здоровенную охапку дров. Он сильный! И печку он умеет растапливать... Печку! Просто взяли железную бочку, проделали в ней две дыры. К одной приклепали дверку, в другую приладили трубу. Огонь в такой бочке-печке гудит лихо, дрова хрустят, словно сухари. До железного бока её не дотронься! А зато почти сразу становится тепло. Однако Аня пока телогрейку не снимает, спешить некуда. Пар костей не ломит—это всякому известно. А в Сибири особенно!

Распахивается дверь—гурьбой входят ребята. У дверей снимают сапоги, проходят к печке.

— Вот же Тимофеич, душевный мужик! Ташкент нам устроил.

Ташкент—это так они говорят, когда в палатке тепло, а Тимофеичем называют папу.

— Дневальный, давай-ка чайку сделай.

— Отставить дневального,—говорит папа,—готов чай. Как-никак хозяйка в избе.

— Ай да Аня!—весело удивляется бригада.—Ай да товарищ Попова!.. Мальчики, в газете появляется такая статья: «Ценный почин Анны Поповой...»

Это не Аня чай поставила, папа. Но теперь уж отказываться не будешь! Все усаживаются на длинные лавки к длинному столу. Хлеб, масло, картошка в мундире, пара селёдок. Чем не ужин! И Аня тут же сидит, теперь уж без телогрейки.

А потом у дневального начинается работа—со стола убрать, посуду помыть. Дневальным сегодня Лёша Егоров, с которым они лося смотреть ходили. Аня со стола вытирает. А стол огромный, как футбольное поле. Аня ещё только до середины дошла, а на чистой половине папа с комсоргом Володей уже уселись за шахматы. Володя серьёзный, хмурит брови, мотает на палец колечко курчавых волос. А папа легко играет, весело... Потом вдруг Володя говорит:

— Ну что, Тимофеич, через два хода тебе мат?..

— Какой мат?!—папа вскакивает с лавки и долго стоит над доской.—Ну ладно, Володька, давай другую партию играть.

— Не, прости, не могу.

Володя достаёт учебники, тетрадку. Напротив него садятся ещё трое ребят. Они все готовятся в институт... А у печки сидит самый молодой из бригады, Саша Барабанов. Он нигде раньше не работал. Только школу окончил и сразу сюда. Кажется, даже убежал... Ане очень хочется спросить: «Ты убежал, Саш, или нет?» Но спрашивать неудобно: Саша письмо читает. Прочтёт, подумает немного, вздохнёт и снова начинает читать.

В палатке всё-таки хорошо жить — тепло, и хотя кажется тесновато, но как-то так получается, что никто никому не мешает.

Лёша-дневальный освободился, подсел к папе:

— Ну как, Тимофеич, получится у тебя кино?

— Должно! Иначе какие мы с Анной работники.

У Ани, честно говоря, уже глаза начинают слипаться. Она сидит, привалившись к папе. А папа разговаривает с Лёшей Егоровым про дорогу, про большую воду, про то, как спешно надо строить тёплые дома и про то, сколько железа лежит в здешних болотистых и некрасивых, на первый взгляд, землях...

Одним махом распаивается дверь:

— А ну смотрите улов!

— Да тихо вы! — шепчет Лёша. — Аньку нам разбудите!

Все встают, на цыпочках сбегаются к рыбам. Хорош улов, ничего не скажешь... В здешних местах и рыбы много, и птицы, и зверя... Сибирь — богатство!

— Ну, будем жарить, хлопчики?

— А то нет!

— Тимофеич, Аню будить?

...Ей снилась тайга. Разлапистые великаны стоят в две стены. А между — узкий коридор. И она, Аня, мчится по этому коридору — то ли на поезде, то ли просто летит... А ветер навстречу чистый, смоляной. И деревья, улыбаясь, машут руками.

Для дошкольного возраста
Сергей Анатольевич Иванов
СРЕДИ ОГРОМНОЙ ТАЙГИ
Художник Е. Шукаев

ИБ № 429

Редактор Б. Цыбина. Художественный редактор О. Ведерников
Технический редактор М. Матюшина. Корректор С. Бланкштейн
Сдано в производство 16/III-78 г. Подписано в печать 8/XII-78 г. 60×90/8. Офс. № 1. Печ.
офс. Гарн. «Журн. рубл.». Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,92. Тираж 150 000. Изд. № 5017.
Заказ № 255. Цена 40 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

© Издательство «Малыш», 1978 г.

70801—066
И М102(03)-78 63—78